

ШЕРРИ
ТОМАС

Каждый
твой взгляд

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

T56

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Sherry Thomas

TEMPTING THE BRIDE

Перевод с английского *Т.А. Осиной*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC
и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Томас, Шерри.

T56 Каждый твой взгляд : роман / Шерри
Томас ; [пер. с англ. Т.А. Осиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).
ISBN 978-5-17-093913-8

Однажды Хелена Фицхью очулась в незнакомой комнате — и рядом с ней был удивительный мужчина, умный, внимательный, красивый. Дэвид Хиллсборо, виконт Гастингс, объяснил девушке, что они недавно поженились, а после рокового несчастного случая он лишь чудом сумел выходить обожаемую молодую супругу...

Так ли это? У потерявшей память Хелены нет оснований не верить Дэвиду — любовью, страстной и всепоглощающей, сияет его взгляд. Так отчего же Хелену, почти готовую ответить взаимностью, по-прежнему терзают смутные сомнения?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Sherry Tomas, 2012

© Перевод. Т.А. Осина, 2013

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093913-8

Пролог

Январь 1896 года

Дэвид Хиллсборо, виконт Гастингс, не влюблялся ни разу в жизни. И уж тем более никогда не страдал от безответной любви. А это означало, что ничто не мешало ему с легким, полным нерастратченного пыла сердцем посвятить себя познанию тех бесконечных удовольствий, которые судьба щедро предлагала молодому, богатому, красивому и свободному мужчине.

Во всяком случае, именно так считали в обществе.

Впрочем, виконт подозревал, что некоторые самые близкие ему люди давным-давно кое о чем догадывались. Дело в том, что он тайно и безответно был влюблен уже почти половину своей жизни. Успокаивало одно: сам объект любви пребывал в блаженном неведении. Неукоснительное сохранение тайны Дэвид всегда считал своей главной задачей, потому что, если бы это вдруг открылось, он отправился бы напрямиком в ад.

Надо сказать, однако, что в те минуты, когда дама его сердца восторженно смотрела на другого мужчину, виконт Гастингс чувствовал себя так, словно стоял у врат преисподней. Вообще-то из сестер Фицхью признанной светской красавицей считалась Венеция, старшая, но Дэвид не мог отвести глаз от младшей, Хелены. Разве легко устоять перед непослушной копной огненно-рыжих волос, перед жемчужным сиянием кожи, перед лукавым взглядом восхитительно-прекрасных изумрудных глаз?

Нет, он ни в малейшей степени не винил свою богиню за несправедливый выбор. В конце концов, тот, кто сознательно отказался от участия в поединке, не имеет права обижаться и жаловаться на поражение. Вот только драгоценное внимание волею судьбы досталось тому, кто ничем не заслужил подобного счастья.

Несколько лет назад Эндрю Мартин имел возможность жениться на Хелене, но его властная матушка решила, что необходимо объединить два соседних поместья. Сын не посмел ослушаться и поступил так, как приказала миссис Мартин.

Среди множества браков по расчету семейный союз мистера и миссис Мартин отличался особой, ледяной холодностью. Супруги обедали в разное время, вращались в разных кругах, а между собой, за редким исключением, общались посредством переписки.

И все же в глазах светского общества эти обстоятельства не имели определяющего значения. Женатый человек — не важно, счастливый в браке или же глубоко несчастный — все равно оставался

женатым человеком, и уважающей себя молодой леди следовало обратить взор в иную сторону.

Мисс Фицхью слыла особой независимой, склонной нарушать правила. До сих пор, однако, она игнорировала не столько устоявшиеся правила как таковые, сколько рекомендации общества. Когда ей, единственной в семье, вздумалось поступить в Оксфордский университет, в лондонских гостиных и салонах поступок расценили скорее как невинно-эксцентричный. Но этого оказалось мало: получив от одной из тетюшек солидное наследство, Хелена основала небольшое издательство и единолично им управляла. К счастью, и этот шаг был воспринят как очередное проявление фамильной оригинальности и склонности к предпринимательству — что ни говори, а ее брат, граф Фицхью, вовсе не пренебрегал выгодой от унаследованного супругой оловянного рудника.

Но вот близкая дружба с женатым джентльменом выходила за границы безобидных, а потому вполне приемлемых чудачеств. Молодой леди даже не требовалось впадать в грех: одной лишь видимости недостойного поведения с лихвой хватало, чтобы запятнать репутацию всей семьи.

В гостиной загородного дома лорда Уэнтурта царила непринужденная, раскованная обстановка. Миссис Денби, замужняя подруга и дуэнья мисс Фицхью, самозабвенно предавалась светским удовольствиям, постыдно пренебрегая обязанностями. Виконт Гастингс с трудом дождался более-менее естественной паузы в разговоре, в котором принимал участие, и через всю комнату целе-

устремленно направился к дивану, где, оживленно беседуя и неотрывно глядя друг на друга, сидели мисс Фицхью и мистер Мартин.

— Мартин, что вы здесь делаете? — Дэвид решительно нарушил предосудительный тет-а-тет. — Разве вас не ждет работа над очередным томом исторического исследования?

Мисс Фицхью отреагировала первой, хотя вопрос предназначался вовсе не ей:

— Вот как раз сейчас мистер Мартин напряженно работает. Обсуждает со своим издателем новую книгу.

— Я полагаю, обсуждение новой книги продолжается с самого утра. Повариха может хоть весь день уточнять у хозяйки подробности меню, однако от этого обед на столе не появится. Точно так же и мистер Мартин: проводя время в разговорах, а не за письменным столом, он лишает своих нетерпеливых читателей долгожданного продолжения достойнейшего исторического труда.

Мартин густо покраснел.

— Признаю, лорд Гастингс, справедливое замечание.

— Мои замечания всегда справедливы. Понимаю, что вам необходимо заняться научными изысканиями — ведь именно с этой целью вы попросили лорда Уэнтурта предоставить в ваше распоряжение удобную комнату, не так ли? И все же до сих пор так и не воспользовались прекрасными условиями.

Румянец на щеках Мартина приобрел пунцовый оттенок.

— А...

— Лично я не могу дождаться новой встречи с Оффой, достойнейшим королем Мерсии.

— Неужели вы прочитали книгу?

— Разумеется. Что в этом удивительного? Разве в университете я не отличался выдающимся умом и бесконечной любознательностью?

— Да, несомненно.

— В таком случае воспринимайте мое присутствие в рядах ваших читателей как честь. Ну а теперь идите к себе и трудитесь до глубокой ночи. И прекратите недостойные попытки монополизировать мисс Фицхью. Вы женатый человек — не забывайте об этом!

Мартин, смущенно усмехнувшись, встал. Мисс Фицхью смерила Гастингса ледяным взглядом, однако тот предпочел не заметить осуждения и как ни в чем не бывало занял освободившееся место.

— Не верю, что вы действительно прочитали книгу мистера Мартина.

Гастингс прилежно, от корки до корки, штудировал все, что она издавала, — даже сугубо коммерческие проекты.

— Бегло просмотрел первую и последнюю страницы. А что, разве я не достаточно убедительно высказался?

Во взгляде Хелены сквозило нескрываемое презрение.

— Вы говорили помпезно, напыщенно и самонадеянно. Помешали чужой беседе. Позволили себе бесцеремонно прогнать моего друга! Право, подобного нахальства не ожидала даже от вас.

Виконт непринужденно откинулся на спинку дивана.

— Давайте не будем понапрасну тратить слова на мистера Мартина. Вот уж кто не достоин ни капли внимания! Со своей стороны, дорогая мисс Фицхью, счастлив констатировать, что сегодня вы поистине прелестны.

Внимание виконта произвольно сосредоточилось на глубоком декольте девушки. Дэвид влюбился в мисс Фицхью еще в ту пору, когда ее фигура ничем не отличалась от мальчишеской, а потому считал себя вправе наслаждаться видом женственных форм всякий раз, когда позволял наряд Хелены.

Реакция не заставила себя ждать: мисс Фицхью быстро раскрыла веер и лишила собеседника возможности созерцать ее прелести.

— Не смею вас задерживать, Гастингс. Если не ошибаюсь, миссис Понсонби упорно пытается привлечь ваше внимание к собственной персоне.

— Не ошибаетесь, — пробормотал виконт. — Все они стремятся привлечь мое внимание — женщины, с которыми мне довелось повстречаться.

— Понимаю, к чему это сказано. Хотите услышать в ответ, что меня ваше внимание никогда не интересовало — лишь для того, чтобы возразить, что равнодушие притворно и представляет собой жалкую попытку разбудить любопытство.

Мисс Фицхью говорила лениво, скучающим тоном. А ведь Дэвиду доводилось сердить ее все-речь и надолго. Безразличие страшило виконта

больше, чем откровенная неприязнь. Дело в том, что в действительности любви противостоит не ненависть, как принято считать, а равнодушие: невыносимо сидеть рядом с возлюбленной и не чувствовать ничего, кроме скуки и пустоты.

Виконт скептически хмыкнул:

— Мисс Фицхью, подобный образ мыслей был бы чересчур банальным. Разумеется, вы нуждаетесь в моем внимании, но исключительно для того, чтобы швырнуть его мне в лицо. Любое противоречие доставляет вам огромное удовольствие, дорогая.

В зеленых глазах мисс Фицхью вспыхнула искра и погасла так быстро, что Дэвид едва успел это заметить. Он и жил ради подобных редких моментов, когда удавалось заставить ее увидеть его настоящего, а не такого, каким она его считала.

Самой печальной стороной долгой безнадежной любви оставалось то обстоятельство, что в четырнадцать лет Дэвид и в самом деле был не больше чем сопляком, дерзким и в то же время жалким. К тому же во время первой встречи с Хеленой разница в их росте составляла почти полфута — и, увы, не в его пользу: пять футов девять дюймов против пяти и четырех. Наверное, поэтому Хелена смотрела на приятеля брата как на ребенка, хотя и была всего на несколько недель старше. Ну а Дэвид тем временем терзался жестокими муками первой любви.

Отчаявшись честно завоевать расположение Хелены, бедняга виконт начал действовать запрещенными методами. Например, пытался коварно заманить любимую в чулан ради нескольких не-

дозволенных поцелуев. В результате сам он испытывал горькое упоение, а она — ничего, кроме отвращения. И все-таки даже брезгливость казалась лучше оскорбительного безразличия.

К тому времени как Дэвид Хиллсборо смог наконец смотреть на мисс Фицхью сверху вниз — шесть футов два дюйма против пяти футов одиннадцати дюймов, — а детская упитанность растаяла и явила миру черты столь острые, что ими вполне можно было бы гранить алмазы, Хелена твердо и решительно настроилась против давнего знакомого. Ну а Дэвид, теперь уже отнюдь не жалкий, но еще более уязвимый и гордый, чем прежде, считал новую попытку сближения ниже своего достоинства.

И вовсе не потому, что не желал испытывать судьбу. Нет, всякий раз, встречая в свете независимую, уверенную в себе красавицу с пышными волосами и фигурой гибкой и соблазнительной — истинную сильфиду, — виконт Гастингс был готов пожертвовать самолюбием и принести извинения за былую глупость.

Но вместо этого продолжал вести себя по-прежнему несносно. Обидные замечания и комментарии сыпались как из рога изобилия:

— Женский колледж. Кажется, так теперь называют рассадник лесбийской любви?

— Мисс Фицхью, вы занимаетесь издательским делом. Неужели вы считаете, что на свете еще недостаточно плохих книг?

— Восхитительное платье, дражайшая мисс Фицхью; жаль только, что вашей фигуре не хватает еще хотя бы нескольких женственных изгибов.

Непредсказуемые ответы Хелены неизменно распаляли и сердце, и разум:

— Я твердо знаю, почему выбрала именно женский колледж. Но рассадник лесбийской любви? Бог мой, это все равно что найти на только что купленном участке земли золотую жилу. Разве не так?

— Конечно, большинство книг кажутся вам утомительными — ведь вы едва умеете читать. Не переживайте: непременно напечатаю несколько книжек с картинками, специально для вас.

Но острее всего она отразила бессовестный выпад против своей фигуры:

— Дорогой лорд Гастингс, боюсь, плохо вас расслышала. Уж очень невнятно бормочете. Да, так и есть! Рот полон кислого винограда.

Кончиком указательного пальца Хелена провела линию от подбородка до декольте, смерила Гастингса откровенно насмешливым взглядом и удалилась, оставив противника сгорать от любви.

— Вы смотрите на меня в упор. — Требовательный голос Хелены заставил виконта вернуться к действительности.

— Да. Смотрю и печалюсь, предвидя скорое увядание. Сейчас вы все еще подобны цветущей розе, но рано или поздно возраст неминуемо победит в вечной битве с красотой. Никто из нас не молодеет, мисс Фицхью.

Веер затрепетал.

— А вам известно, чего больше всего на свете хотят женщины не первой молодости?

Едва заметная полуулыбка воспламенила вожделение.

— Скажите же!

— Как можно быстрее избавиться от вас, Гастингс, чтобы не тратить остаток драгоценного времени, ловя на себе распутные взгляды.

— Если я перестану смотреть с жадностью, вам станет скучно.

— Почему бы не проверить эту гипотезу? Перестаньте, а лет через десять я расскажу, скучно мне или нет.

Виконт выдержал еще несколько долгих мгновений. Точнее, прекращать процесс созерцания он не собирался — ведь никто не запрещает смотреть из любой точки гостиной, — но пришло время освободить диван подобру-поздорову, пока не прогнали силой.

Он встал и галантно поклонился.

— Уверяю вас, мисс Фицхью, через две недели вы умрете от тоски.

В половине одиннадцатого дамы удалились. Джентльмены выкурили по паре сигар, сыграли несколько партий в карты и в бильярд. В половине первого все разошлись, и Гастингс остался в полном одиночестве.

Однако к себе он не пошел, а вместо этого устроился в глубоком алькове, откуда открывался вид на комнату мисс Фицхью. Безответная любовь заставляла, смотря на затворенную дверь, предаваться мечтам. Внизу мерцала узкая полоска света: должно быть, читает в постели.

Еще несколько страниц.

Хэмптон-Хаус, где сестры Фицхью выросли, не отличался грандиозными размерами. Всякий раз, приезжая в гости к другу, Дэвид ночевал через три двери от комнаты Хелены. Ровно в одиннадцать к ней являлась гувернантка с требованием выключить лампу, и всегда слышался один и тот же ответ:

— Еще несколько страниц.

Как только гувернантка уходила, Дэвид бесшумно выбирался в коридор и смотрел на дверь до тех пор, пока полоска света не исчезала. А потом возвращался к себе, чтобы вновь погрузиться в пучину вожделения.

Привычка сохранилась до сих пор и проявлялась всякий раз, когда виконт и Хелена оказывались под одной крышей.

И вот свет погас. Дэвид вздохнул. Сколько еще лет это будет продолжаться? Скоро ему исполнится двадцать семь. Неужели предстоит точно так же томиться в темном коридоре в тридцать семь, сорок семь, девяносто семь?

Он провел ладонью по волосам. Пора возвращаться в одинокую постель. Географическая близость мисс Фицхью решительно отвергала физическое присутствие другой женщины. Внезапный всплеск врожденного благородства препятствовал откровенному проявлению двуличия. А может быть, глубоко спрятанное суеверие не позволяло поставить под сомнение хрупкую надежду?

И вдруг дверь бесшумно открылась.

Дэвид затаил дыхание. Неужели она почувствовала его присутствие? Он еще плотнее при-

жался спиной к изогнутой стене алькова. В полной темноте Хелена остановилась на пороге. Может быть, она ждет его?

Дверь осторожно закрылась, и Дэвид позволил себе выдохнуть. Наверное, вернулась к себе.

В это мгновение легкое движение воздуха подсказало, что его прекрасная возлюбленная прошла мимо. Сердце едва не вырвалось из груди, а в голове вихрем пронеслись тысячи катастрофических сюжетов. Годы искусного притворства пошли прахом, словно волшебница, подняв тонкую бровь, рассмеялась над тщетностью его желаний.

Да, возлюбленная ускользнула, и виконт невольно зажмурился: судьбоносная встреча не состоялась. Она шла не к нему. Наверное, решила перекусить или выбрать в библиотеке другую книгу. Но почему же не взяла свечу? Может быть, не хотела, чтобы окружающие заметили ночную вылазку?

Летом он не смог бы даже пошевелиться — на деревянном полу слышен каждый шаг. Но сейчас, зимой, все звуки тонули в толстых коврах, а потому Дэвид скрытно пошел следом.

Хелена направилась к лестнице. Кухня и библиотека располагались внизу, на первом этаже, но она поднялась наверх. Большинство гостей ночевали на втором этаже: незамужних леди и неженатых джентльменов разместили по разные стороны от центрального холла. А наверху устроились опоздавшие... и мистер Эндрю Мартин.

Нахлынула душная, жестокая волна осознания и подозрения. Нет, не может быть! Хелена

слишком разумна, чтобы среди ночи тайком пробираться в комнату мужчины. Тем более женатого мужчины.

На третьем этаже свет выбивался лишь из-под одной двери. Как только Хелена подошла, дверь эта распахнулась, и на пороге показался улыбающийся соперник.

Она проскользнула в комнату. Дверь закрылась так же тихо, как и открылась. Гастингс застыл на месте.

Она не просто друг и издатель Эндрю. Она — его любовница.

Упершись локтями в колени и закрыв лицо ладонями, Дэвид Хиллборо, виконт Гастингс, сидел на полу в темном коридоре. Хелена провела в комнате Мартина два часа, а потом вышла так же бесшумно, как вошла, и, словно бесплотное видение, перенеслась вниз, в свою комнату. Гастингс вернулся к себе только на рассвете.

Конечно, мисс Фицхью вовсе не обязана щадить его чувства, но неужели ее не волнует собственное будущее? Ночные похождения сродни безумству. Окажись она в комнате холостяка, Гастингсу было бы не легче, но в этой ситуации любовник хотя бы мог на ней жениться... в крайнем случае.

С Эндрю Мартином даже такой исход был невозможен.

Утром виконт, войдя в библиотеку, увидел обоих сидящими в соседних креслах с книгами